

Сменив очередную работу, Башмаков вскоре выяснил, что на этот раз ему выпала честь возить писательские рукописи. «Что это, издевка или знак судьбы? — думал Башмаков. — Конечно,

издевка, чего я только не возил: дебильные сувениры, игрушки из сексшопов, даже дерьмо в виде анализов и то приходилось. А теперь Вселенная, как говорят придурки, предоставила мне шанс возить чужие рукописи, мне – сраному писателю. Что это как не издевка?»

Волею случая Башмакову и раньше случалось попадать в странные ситуации. Когда его товарищ Сашка Кочаргинский выиграл литературную премию «Тюбет», Башмаков, заполучив пригласительный билет (его отдал ему уставший от подобных мероприятий старый литературный волк: на, мол, проветрись), решил так: «Миллиона не дождусь, но хоть водки вашей нажрюсь!» И пошел на награждение, но не только из-за водки, но еще и назло всем, что не взяли его даже в лонг-лист. Сашка тогда еще только номинировался на главный приз: миллион рублей – и не знал, что победит, но Башмаков думал потом: «Все они там знают заранее, и вообще, тут, наверное, еврейский истеблишмент замешан».

Башмаков действительно был почти уверен, что если Сашка, – смотрящий на него русскими простыми глазами, – не еврей, то в жюри явно кто-то из-за его фамилии принял его за еврея. «Произошла чудовищная ошибка, – придуриваясь, нес после премии пьяный Башмаков, – никто из-за моего имени не принял меня за еврея, но его приняли из-за фамилии! Это сионистский заговор, не меньше!» Собственно, странность случая была не в именах и фамилиях, а в том, что, отправившись на премию «Тюбет», Башмаков попал совсем в другое место.

На злосчастном в тот день Кутузовском проспекте проходило, видимо, не одно пиршество, что, в общем, для таких знатных мест не новость. Башмаков, блуждая снежным позднеосенним вечером, спутал здания: в «18-ти» он увидел издали – в размытом свете фонаря – «13-ть», а потом, заметив и выложенную по снегу дорожку из горящих свечей, удивился, конечно, размаху организаторских вложений и тонкому их стилю; но все-таки решил, без тени сомнения, что праздник на этой улице один, и он на него уже приглашен. Пройдя светившуюся дорожку, Баш-

маков зашел в раскрывшиеся перед ним двери, на ходу доставая пригласительный. Милые девушки в два рта широко и приветливо улыбнулись. Башмаков тоже изобразил улыбку. «Я по приглашению, вот», – пробурчал Башмаков, протягивая бумажонку. Как позже он догадался, у девушек не было четкого регламента – кого пускать, кого нет, прийти должны были только те, кто должны были прийти. Кому-то, вероятно, и правда, высылали пригласительные, а кто и приходил по личному приглашению. А главное – девушки просто боялись обидеть кого-то из гостей своим недоверием и потерять работу, поэтому даже и не посмотрели, что написано у Башмакова в пригласительном.

К тому же они никак не предполагали, что на вечеринку в честь учредителей солидного банка, явится какой-то мудило с премии с дурацким названием «Тюбет», да даже и не с самой премии, а просто обычный халявщик по чужому пригласительному. Что до внешнего вида Башмакова, то тут не может быть никаких противоречий: на одном корпоративном Новом году случилось так, что в джинсах были только генеральный директор и курьер Башмаков. Так что многие сейчас знают про эти модные причуды успешных людей.

Итак, Башмаков попал в залу. «Тесновато, – подумал он, – неужели здесь уместятся все эти голодные трущобные литераторы, их же там человек пятьсот? А где сцена? Наверно, я попал в какой-то предбанник, где гостей встречают хлебом-солью, а потом уже проведут в пышную залу». И он двинулся к фуршетному столу. У стола тут же сработал один из официантов, дюжина которых носилась туда-сюда с подносами и без оных. «Чего изволите?» – «Коньячку», – выдавил из себя смутившийся Башмаков, не привыкший, чтоб его обслуживали. «Хеннеси» или... – спросил официант. «Хеннеси» – махнул Башмаков рукой, ему нравился запах этого слова, к тому же водка среди напитков отсутствовала напрочь. «Ещё и через руку, сука, наливает», – обратил внимание залетный герой. – На заводе бы ему за это грабли уже оборвали».

Одним духом Башмаков принял порцию «Хеннеси» и вспом-

нил, как один раз выдул из бара сестры весь армянский коньяк, а бутылку наполнил крепленным чаем. Здешний же напиток был изящен, но крепость в нем примята была вкусом. Спирт, однако, действовал безотказно, осмелевшая рука Башмакова потянулась к закуске, но, заробев, снова зависла над угощениями: еда была настолько экзотической, что Башмаков просто не знал, как это едят. К тому же шестым чувством он уже предощущал опасность и палиться ему лишний раз не хотелось.

Допустим, он узнал из всей этой непонятной, будто понаблюдаванной кем-то каши, устрицы, и, конечно, слышал, что их надо высасывать, но сам Башмаков никогда этого не делал. Вдруг он обрызгается или сплюнет еще с непривычки официанту на жакет, он же не знает, какой у этой дряни может быть вкус! «Бог с ним со всем», — решил Башмаков и зацепил пальцами невинный и безопасный лимончик. «Повторить», — отозвалось внутри благодарного желудка. «Можно повторить?» — спросил Башмаков официанта и тот повторил. Далее Башмаков не упускал этой возможности и каждые пять минут подходил причащаться, благо-разумно отказываясь от вина и шампанского, и налегая только на элитные коньяки. За неимением водки.

Зал постепенно наполнялся публикой, из-за ширмочки выглянули экзотические музыканты и заиграли что-то на там-тамах и каких-то африканских гусях. «Широко живут, оказывается, наши литераторы», — размышлял Башмаков, разглядывая лысого ухаря в твидовом пиджаке из 90-х с кожаными заплатами на рукавах. Остальные большей частью были в черных строгих костюмах, а дамы в вечерних платьях. То и дело мелькали на запястьях и тоненьких женских и жирных мужских шеях золотые — да и всякие украшения. Некая парочка в уголке, посасывая из бокалов шампасик, поглядывала на Башмакова и саркастически улыбалась. «Может, я попал на чертово сборище свингеров?» — опасался уже Башмаков и потянулся к коньяку, и смело на этот раз налил себе сам, освободив от труда официанта. «Вот с кем я, если что, могу здесь забухать», — решил Башмаков, выцепив взглядом из толпы одного худого и бородатого, как

бомж, мужика, одетого, однако, не в пример Башмакову — тоже в черный дорогой костюм с галстуком.

К счастью до этого не дошло, скоро музыка прекратилась, залу осветили, и ею оказалось заширменное и принаряженное банковское помещение, где в обычные дни толкуются в одной куче пенсионеры и студенты — да и все кому не лень. «Так-так, — подумал Башмаков и решил подлить коньячка. Некто в лиловом костюме вышел и, взяв слово, поприветствовал всех собравшихся в банке учредителей, инвесторов и...

Дальше Башмаков не дослушал. «На посошок и деру», — принял он верное решение, пока — чем черт не шутит — из-за ширмочки не выглянул пяток лакеев и не выставил бы его с позором вон. Закинув в рот напоследок лимончику, Башмаков по-блоковски медленно пройдя меж пьяными, максимально сдерживая себя, чтоб не побежать, такой незнакомкой прошмыгнул в предбанник, где встречающих девочек уже не было, но оставался по-прежнему гардеробщик. «Что, уже уходите?» — без всякого намека, но с дежурной улыбкой сказал он, отправляясь за башмаковской курткой. «Дела-дела», — нараспев протянул подозрительный Башмаков, решив про себя: «Знает уже все, сука, и издевается».

На телефоне осталось пару не отвеченных и СМСка: «Ну долга ты там?» — писал знакомый Башмакова, тоже приглашенный на «Тюбет». «Да с банкирами тут забухал, — написал ему Башмаков, — скоро буду».

«Ну и дурак, — говорили ему позже друзья, — остался бы, затусил с банкирами, книжку бы издали». — «Ага, издали бы, видели бы вы их пасмурные рожи», — отвечал ехидно Башмаков.

На улице тем временем пошел снег. Крупные, но не очень крепкие хлопья враз облепили подшафэшного Башмакова, как снежную бабу, и таяли на его разгоряченном алкоголем лице.

Скоро Башмаков отыскал нужный ему дом, на входе не было никаких лыбящихся девиц, а просто стоял охранник в расстегнутом пиджакес рацией. Вручение шло полным ходом. Башмаков прошмыгнул за портьеру на балкон и даже занял какое-то пусту-

ющее место. На сцене в этот момент мельтешил автор нашумевшего романа «Засахарите меня под минусом» и говорил о том, что премия «Тюбет» — это почти тот же «Оскар», только «Тюбет». Также среди вручающих Башмаков успел разглядеть знаменитого Пахома, при его появлении публика захлебнулась в овациях, раздался гик и свист. «Надо всего лишь один раз как следует обосраться на всю страну, чтобы вызвать такие бурные эмоции, лучше бы они Олега Попова пригласили», — подумал Башмаков и задремал.

Сквозь сон он видел, как на большом экране показывали отснятый заранее материал, где Саша Кочаргинский вертелся в черном кресле повелителя мира, снимаемый одновременно с разных ракурсов, и что-то быстро-быстро нашептывал как заклинание. Иногда показывали крупным планом лицо и плясавшие изгибистые губы, но разобрать Башмаков ничего не мог. «Пафоса, пафоса-то нагнали, черти», — зевнул он пьяно и снова задрях. Проснулся Башмаков как раз тогда, когда Кочаргинского поздравляла с победой Алика Смехова, дочь советского Атоса, и Сашка шептал ей на ухо какие-то, конечно, глупости, как решил Башмаков; и Смехова, конечно, смеялась, закатив к потолку свои красивые папины глазки.

Наконец, официальная часть закончилась, все перешли в обширный буфет. Толпа голодной творческо-одаренной молодежи, ринувшись с лестниц врассыпную, в миг обложила собой все столы с закусками и брала уже приступом барменов, не успевших разливать по стаканам пойло, выбор которого был не велик, но меток: два вида сухого вина — белое и красное, и неплохая водка «Смирнофф».

Стоял дикий гик, как будто Пахом снова сделал свое главное дело. Одни проталкивались за выпивкой, другие возвращались с оной обратно, пытаясь не разлить, или пили прямо на ходу. Вино текло по ртам, плескалась водка; штука была в том, что столы с закуской стояли на приличном расстоянии от столов, где разливали пойло, в этом, видимо, был организаторский расчет и умысел, чтоб хоть как-то усложнить литературному стаду зада-

чу нажраться в полчаса.

Башмаков, почувствовав колоссальные различия между пиршеством банкиров и молодых литераторов, смотрел на все происходящее с брезгливостью и пренебрежением, хотя и он не без трепета пробирался к барной стойке, опасаясь, что и водка так же быстро закончится как вино. Решив, что он самый умный, Башмаков запросил сразу бутылку, чтоб не мелочиться и не бегать туда-сюда; но получив вежливый отказ, набрал побольше стопок в растопыренные пальцы одной руки, а второй взял стакан из-под сока, в который ему благосклонно набухали сорокаградусной.

Вернувшись к столам с закуской, он обратил было внимание на вышедшего уже Кочаргинского, увешенного вдоль и поперек какой-то одной радостной и не совсем трезвой женщиной, но в этот момент его схватила за задницу поэтесса Светка Серебрянович, давно имеющая на нее виды. «Попался!» — взвизгнула она, и Башмакову ничего не оставалось, как тут же угостить подружку рюмкой водки и запихать в рот ее виноградину, вымазанную майонезом. Литераторы небрежно обращались с угощениями, среди которых, надо отметить, закуска была вся понятная и знакомая, никаких тебе устриц или фуагра.

Вскоре Башмаков воспользовался тем, что Светку совсем развезло и скинув ее на руки знакомого поэта, прибился к столику с неизвестными дамами и одним знакомым, но тоже неизвестным драматургом. Кочаргинский где-то пропал в толпе, и Башмаков его больше не искал. «Не желаете мяса?» — спросила его одна из дам, стреляя глазками на тарелку с едой. «Вашего, с удовольствием» — ответил Башмаков, отчего вторая дама зарделась, а драматург сглотнул слюну, но ничего не сказал.

Потом все как-то завертелось, закрутилось, на Башмакова то и дело налетали знакомые рожи или он сам на них налетал, они делились водкой, он закусывал с чьей-то тарелки, вот уже и сам схватил кого-то за задницу, и так, казалось, и не отпускал до самого метро, до которого они в компании еще нескольких пьяных литераторов неслись в забытьи и пьяном восторге. Даль-

нейшее Башмаков плохо помнил, дорогой они где-то догнались, сосались, потом растерялись, поехали по домам, Башмакова в вагоне трепала за воротник женщина в красной шапке, дабы разбудить тело, и тело пробудилось, добрело до дома, и там отрубилось до утра. А утром Башмакову пришло в «Фейсбуке» сообщение от Светки Серебрянович, в котором она ругалась, что потеряла вчера свой телефон и муж гонит ее теперь из дома, потому что это его подарок. «Приезжай, поищем», – написал в ответ Башмаков и провалился снова в дурной, настоящий на пьяном бреду сон, в котором он таскал с почты огромные кипы графоманских рукописей и возил на метро, на своем горбу, до экспертов, которыми были известные поэты и писатели. И так, в одну из поездок, он тайно сунул в кипу и свою рукопись – свою гениальную рукопись. И ее нашли, и смеялись, потому что было смешно, но не гениально, и премию Башмакову все равно не дали. Но похвалили за ретивость с кипами, потрепали по загривку и налили в миску полведра водки «Башмакофф». И насыпали на закуску фуагра. А где-то рядом виляла хвостиком сучка Серебрянович и тявкала на прохожих, обзывая их графоманами, но прохожие не понимали собачьего языка. И тогда Башмаков догадался во сне, что вся проблема лишь в том, что пишет он на собачьем языке. Но пишет для людей. Соответственно, люди просто не понимают его. Поэтому и не дают премию. Нужно отсылать рукопись, или, стало быть, лапопись, совсем другим людям, то есть и не людям совсем, а собакам, либо их хозяевам – собаководам. Они-то должны знать собачий язык, они-то могут разобраться и восстановить справедливость. Надо только выгрызть всех блох, ужасно правдоподобно кусают. И кто-то надевает на меня намордник, сжимает мне челюсть...